4 49
ОЦК

ОЦК
ФЦТ.

A

ЛЕО НИД ЧЕР НО В

ПРОФСОЮЗ СУМАС-ШЕДШИХ

10144/16

с. ф-ла

ТВОРЧЕСТВО ЛЕОНИДА ЧЕРНОВА.

Пятилетняя Голгофа. Поэмы. 1919—1920.

Лицо бога. 1920.

Лёт птиц. Книга жизнежелания. 1921.

Квадрат решетки. Поэма. 1921.

Наталя Карпенко. Поэма. 1921.

Евангелие от Леонида Чернова. 1921.

Бог Авраама. Трагедия. 1922.

Лирика. Том I. Период ученичества. 1918—1921.

Кладбище аэропланов. Ст

Профсоюз Сумасшедших. Ли

ЛЕОНИД
ЧЕРНОВ

891.7-1

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ ____ г.

БИБЛ.
Инстит. Красн. Проф.
Инв. №... 40144/16

ПРОФСОЮЗ СУМАСШЕДШИХ

ЛИРИКА

119

ВЛАДИВОСТОК
1924

Автор — Леонид Чернов.
Художник—Павел Любарский.
Фотограф—П. П. Быков.
Метранпаж—А. Вольф.
Старший печатник—Гаркавцев.
Типография „Красное Знамя“.
Издание—Примкомпомгол.
Гублит № 917.
Тираж 2500.

Вам—
грузчики
и Колумбы корабля
отплывущего в Индию Радости—
компасом эту книгу.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ПРОФСОЮЗ СУМАСШЕДШИХ

ПРОФСОЮЗ СУМАСШЕДШИХ.

(Интродукция).

Друзьям—имажинистам:
Виктории Белаковской, Сергею Гончарову,
Иосифу Кричевскому, Георгию Филяаскому.

Эй,—все, кому нудно в вонючей квартире
Чадить в этих днях, как грошовые свечи—
Давайте откроем
Единственный в Мире
Профсоюз Сумасшедших!

В этой жизни бездарной как мозг недоноска,
В неделях
Хрипящих как злой онанист—
Плевком—на огни из дешевого воска,
И ревом в Любовь—громовое Проснись!

И средь тех, что колбасами в буднях висели,
Чтоб валюту, вагоны и кожу ловить—
Мы в огненных розах
Свистим в карусели
Веселой, бушующей, пьяной Любви.

И вместо того, чтоб блохой в Упродкоме
Сверлить головою
Отчетов свинец—
Голодные, юные—души знакомить
С жонглерами тел и пасхальных сердец.

В этой жизни «нормальной», где тупость овечья,
Где в плесени дней—невозможная вонь,—
Мы,
Люди в цветах,
Конечно—сумасшедшие,
Которым повсюду „вон".

. . . . . .

Так давайте же к солнцу прямо чрез тучи,
Чтобы радугой в небо железные плечи,
Давайте откроем—веселый, могучий—
Профсоюз Сумасшедших!

Декабрь 1922.
Украина.

ПРОФСОЮЗ СУМАСШЕДШИХ.

(Второй крик).

Сгинь во мгле,
Пресвятая троица,
Мы смываем твой дикий грим!
На развалинах Мира строится
Межпланетный завтрашний Рим.

На макушках горного темени—
Шевелюра щетинных лесов.
Мы не знаем ни чисел ни времени
Закруживши веков колесо.

Так давайте же с нами в ногу,
Бунтари всех народов и стран!
Мы обратно вышвырнем богу
И Евангелие и Коран.

На бумаге, которую выбелил
Красной кровью безумный поэт—
Мы напишем Новую Библию
Пером из хвостов комет.

Мы,
Из дымов Земли пришедшие,
Разольющие бунтов поток,—
Мы конечно и есть сумасшедшие,
Для которых жизнь—кипяток.

Наши строчки—покойников мучить,
Наши песни—скорее бы сжечь их.
Пусть веками гремит наш гремучий
Профсоюз Сумасшедших!

Июнь 1923.
Ольдой.

ФАКУЛЬТЕТЫ РАДОСТИ.

Эдуарду Лескову.

Красками дней торопливо малёваны—
Бешенным хохотом пàлим пищали
Мы—сума шедшие клоуны
Осточертевших печалей.

Бубнами в днях в одиночку и парами
Каждому—лишь бы „ура“ достиг!
Мы торговать золотыми товарами
Пенной искрящейся Радости.

Вы там!
Чего развели эпидемию
Нудно-рицинного зелья?
В каждой лавчонке у нас—академия
И факультеты Веселья.

Плюйте, орите и войте „распни их“!—
Вам бы—лишь блеском валют сиять.
Колосом Радости в солнечных нивах
Зреет для нас Революция.

Только с весенними нам по дороге,
Ленты улыбок—на галстук.
Нам все-равно—даже хмурому богу
Порцию солнца—пожалуйста!

В Мире запаянном, в Мире закованном
Бешенным хохотом пàлим в пищали
Мы—сумасшедшие клоуны
Осточертевших печалей!

Август 1923.
Владивосток.

ДИНАМИКА ЖИЗНЕЖЕЛАНИЯ.

Каждый мускул—пружина.
Сердце—мой канонир.
Тело—машина.
Душа—целый Мир.

Мысль моя—бык на бойне.
Строчка—сплошная дрожь.
Вот теперь бы Миру спокойней
В дряблую спину нож!

И не я-ли визжа вам сорвàл очки
Чтобы в новые Солнца шли?
Но теперь я у Мира на палочке—
Как гигантский кровавый шашлык.

А любовницей мне Революция—
Долгожданного сына родить.
И не Ей-ли семь лѣт
Мой салют сиял
На Земле
И звездой на груди?

Верю я—будет, будет!
Страсть моя—тысячи солнц!
Из сверкающей стали—груди,
Ноги—
Из золот и бронз.

Каждая строчка—семя
Тебя оплодотворить—
Чтоб Единственной между всеми
Мне желанного сына родить.

Ты—я.
Мускул—пружина.
Сердце—наш канонир.
Тело—машина.
Души—весь Мир.

Июль 1923.
Тихий Океан.

ПОСЛЕДНИЙ БУНТ.

Германии.

Вынимайте из сна свои мордочки,
Вдохновенье не мерьте на фунт!
Разбивайте все двери и форточки,
Ниагарой вливайтесь в бунт!

Запевайте пропеллером песни,
Семиверстный держите шаг!
Не сегодня-завтра воскреснет
Над Всемирьем кровавый флаг.

Так давайте же в ногу с вождями
Мы теченье Времен означать:
В красных днях—бунтарем беспощадным,
И любовником нежным в ночах.

Шире хохоты, бешенней Радость
Огневыми гирляндами в Мир!
Мы оркестром Вселенских парадов
Разодрать голубую ширь.

От Сатурна до Красной Пресни
Распылать запылавший мрак...
Не сегодня-завтра воскреснет
Над Всемирьем кровавый флаг.

Июнь 1923.
Сибирь.

КАМЕНОЛОМНЯ ЗОРЬ.

Ник. Костареву.

Я швырнул свое сердце дрожаньям и бунтам,
Каждой ночью векà—на весы.
Оттого-ль 10 лет
Из секунды в секунду
Над виском моим Кольд висит?

Мне смеяться Маратом под лицом Менестрèля—
Сколько неб и ракет,
Сколько мечт и огней!..
Каждый клок моей кожи исстрелян
Ядовитыми пулями дней.

Как червяк
На крючок
Этой жизни насажен,
Под клещами какой-то железной руки—
Злобно корчусь
Тараща
Глазищи
На сàжень—
В половодье кровавой реки.

И когда истекал бурой кровью в закатах
Мной пробитый распухший солнца пузырь,—
Я взрывался в гремучих плакатах
Расшвырять в ваши души осколки грозы.

Но экватором словно вожжой опоясан
Шар земной как мясник и надут и горбат—
Мне прихлопнуть ко лбу этикетку паяца,
Ухмыляясь гнилыми зубами Карпат.

Скрéжеща своим сердцем
Развернусь из консервной коробки,
Просвистя как пружина в стомильный свой рост—
Семицветить горящие строки
В запевающих ротиках звезд.

Июль 1923.
Амур.

ЦВЕТЫ ЗЕМЛИ.

Ждите, морские, земные дороги,
Скоро ногами мне вас расчесать!

Леонид Чернов.

Сегодня метнусь из своей берлоги
В великую Радость воскресшим Христом.
— Топчи нас!—кричат мне земные дороги,
И Мир предо мною—
Как письменный стол.

Под марши желудка (какая же музыка
Кроме этой поэту может играть?)—
Иду,
А в глазах Твоя желтая блузка
И огненных мыслей веселая рать.

Пропеллером вою — а там уже паника
На бирже печалей, тоски и гробов.
Смотри—я развесил на мачтах „Титаника“
Свою однодневную Радость—Любовь!

Влачащим печали я гаркаю:—Киньте их!—
Гирляндою Радости душу обвить!
Смотрите—какие невероятные Индии
Каждый день открываю в своей Любви!

Какое мне дело, что даже глаза̀ на вес
Женщины тем и другим продают,
Если я в клочья паршивый свой занавес,
Прятавший в слякоти Радость мою!

А шарик земной—сплошную улыбку
Ртом Брамапутры швыряет в меня:
— Сердце, скорей похоронную скрипку
На кларнеты Веселья менять!

Будем голодными, юными, пьяными
Пулями Радости в сердце врагу:
Девушки, женщины, вейтесь лианами,
Пейте росу из цветов моих губ!

Ты-ли Любовь мою в далях развесила?
Ты-ль напоила огнями мой стих?..
... Даже сгореть и погибнуть мне весело
В диких пожарах безумий моих!

Февраль 1923.

ПЛЮНУТЬ В ЛИЦО.

Темною медью как церковь гремящий,
Пьяный от пряной всесветной ходьбы,—
Я—как послушный крокетный мячик
Под молотком судьбы.

Милая—милая!
Ты меня слышишь?
Фабричной сиреной мой рёв:
Снова Любви иглозубые мыши
Теплыми рыльцами
В теплую кровь.

Жадный как пламя,
Голодный Любовью,
Вечно-чужой серой своре мужчин—
Снова несу к Твоему изголовью
Много Любви и немного морщин.

Но теперь, когда весь я—
Сплошная осень,
Когда Ты для меня—
Как машине пар,
Когда все говорят:
—Он теперь уже Тòсин,
Когда Мартом смеется беззубый Январь,—

Я —
Как стальной электрический молот
Самое сердце скуки бить,
Камень тоски как песчинка измолот
Единственным в Мире
«Любить».

Вас, положительных, хохот мой дрàзнит,
Ну-ка, в футляры своих сюртуков!
Весь я—сплошной торжествующий праздник,
Краснгя метка средь черных листков.

Милые дети!
Позвольте мне туже вам
Пѐтлю стихов, чтоб на землю слеза.
Тонко блеснуть бледнорозовым кружевом,
Сеткой поэз на бычьи глаза.

А потом...
А потом засмеяться над вами—
Грудой застывших офраченных мяс,
Блестким хохотом выть себе Вечную Память,
Чтоб не стыдно Миру за вас.

Слишком тонко щетинятся
Иглы наших кустарников,
Пятилетье мы пели пред злым дураком, —
И никто не додумался
Поколенью бездарников
Просто выстрелить в рожу веселым плевком.

Мне от вас— пару брюк бы, винà, папиросу
Ну а вам? А вам от меня—
Не пора-ли сюртук похоронных вопросов
На блестящее платье Любви
Обменять?

Впрочем... вы ведь свободны только в 12...
У вас ведь—котлеты, отчеты и нэп,
Вам-ли теперь ерундой заниматься,
Если как блохи цѐны на хлеб?

А мы вам —
О розовых чашах женщин,—
Когда вам достаточно просто калош,
Женского мяса,
Модного френча,
А ночью с женой—
Оффициальная дрожь.

С шевелюрами Листа, с душою базарников,
Рельсы тупости в даль,
В свинохлев,
В Далекò...
Как я счастлив, что первый
Поколенью бездарников
В рожу выстрелил
Звучным
Веселым
Плевком!

Декабрь 1922.
Кременчуг.

ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ.

Слёзы звезд, небосвод из атласной материи,
А внизу на Земле —океанами кровь.
Перерезать бы дряхлому Миру артерии
И швырнуть эту падаль в ров.

И у старого бога добиться гарантии,
Чтобы в Новой Вселенной—сплошная весна.
А людей бы одеть в ярко-красные мантии,
В ризы бешенной Радости, Смеха и Сна!

Чтоб для них—ни Европ, ни Америк, ни Англий,
Чтобы трàвы для них не тонули в крови,
Чтоб для них мои песни—второе Евангелие
Колоссальной Любви.

Наша каста поэтов—святое купечество—
За кредитки стихов Красотою звенеть.
Мы всегда в авангарде твоем, человечество,
Если ты на пути к вековечной весне.

Ну а если и дальше в слепой бухгалтерии
Колоссальными цифрами злòбу и кровь,—
Мы разрежем проклятому Миру артерии
И швырнем эту падаль в ров.

Апрель 1923.
Одесса.

МЕТРОПОЛИТЭНЫ УЛЫБОК.

Одураченный жизнью — пред смертью брошу
Обалделой Земле своей Радости глыбу.
Храпящему Миру в печальную рожу —
Метрополитэны Улыбок!

В пасхальном набате жужжать и вертеться,
Жужжать и кружиться сплошной каруселью!
Поэты! Куда на Земле бы нам деться
С таким неземным необычным весельем?

Лязгаем Радостью, Смехом скрежещем,
Издеваемся злобно над скорбью столетий.
Хохотом квакаем в рупоры женщин—
Дьявольской Радости буйные дети!

Скорбь и тоску избирая мишенью,
Звонко швыряем Беспечия глыбы:
Мы уже знаем о близком крушении
Метрополитэнов наших Улыбок.

Февраль 1923.

ЭКВИЛИБРИСТИКА ОБРАЗА.

«Ярмарке Мечтателей».

Ночь—алмазный хлев, в котором мы доили
Вымя неба, где сосцы—в звезде.
В колокольнях сердца зазвонили
Мы—Пономари Страстей.

В букварях Любви—
Колумбы ижиц солнца,
Акробаты сумасшедших ласк.
Рундучки поэтов—захлебнуться бронзой
(Раненой луны бараний глаз).

Кардиналы Страсти—бешенств Аллилуйа,
Прожигатели ночных динамо-снов.
Мы—барышники смертельных поцелуев
И бродяги в царственный Любовь!

Мы—мошенники своем Екклезиасте,
Мы трактире мук—
Любви аукцион.
Мы—лабазники сверкающего Счастья
Открывать ликующий Притон!

На базаре дрожи—снов эквилибристы,
От заразы грез—
Стихов презерватив.
Мы в Театре Бунтов—первые артисты,
Каждый с алой солнцой
Плещущей груди!

Но в вертепе звездном мы плести монисто—
Дьявола и бога на одном кресте.
Мы—бродяги в Счастье, мы—имажинисты,
Спекулянты бешенств, дьяконы Страстей.

Апрель 1923.

КОЛЛЕКЦИЯ ПРОКЛЯТИЙ.

1.

Первое—самое страшное—для
Отца моего, чтоб его душить:
В 99-м тела футляр
Он подарил для моей души.

В колыбели зеленых кометных лучей
Сердце мое золотило тьму.
Он сколотил клетку душе—
Первый „будь проклят“—ему.

2.

Вы,
Рублекопящие от зари до зари,
Вместо Любви—только дрожь с женой,
Жрущие звери, жизни цари,
Ты—миллионный— проклят мной.

Стихи для тебя—поллюции грамм,
Вулканы грудей—сладострастий слюна.
Вечный,
Великий,
Могучий Хам,
Тебе—мое жгучее На!

3.

Вам, засвинившие очи Весны
За то, что нет котлет и калош,
Я—у жизни ворующий сны—
Третьих Проклятий синеющий нож.

4.

Вам, для которых Смерть—лакей
Гениальных людей—к чертям,
Вам, истерзавшие мысль в кулаке,
Четвертое Страшное—вам.

5.

Вам, жандармы морали густой
„То добро, ну а это—зло“,
Вам зеленеющий злобой стон:
— Несите хлам
На слом.

6.

Моей Возлюбленной за боль и страсть
Изжевавшие жизнь мою,
За бездны, за муки, за дикую власть,
За сонный последний приют,

Моей Любимой за то, что любим,
За то, что мы в Мире вдвоем—
Шестое Проклятье,—и вместе с ним
„Да святится Имя Твое“.

Февраль 1923.

ЖЕНЩИНА У МЕНЯ В ЛАПАХ.

Солнечный шар рыжий—
В лузу заката
Тощей
Ночи
Киём.
Тучных громад грыжи
Вздулись над рощей,
Где мы вдвоем.

Наше знакомство скрежещет экспрессом
Дачным, который в пятницу.
Знайте—
Каждую женщину сжатую прессом,
В каждой слезинке распять несу.

Зазвеневши губами—распну Вас бесстонно
На кресте Революций Ваш ужас исплàчу.
...Только Вам ведь сейчас выходить из вагона
И дворняжкой протиснуться
В мужнину дачу.

Ах, каким диссонансом это Ваше „не троньте"!
И какой ерундою „мне надо спешить"...
Только многие дни Ваш сиреневый зонтик
Мне разбойничьим присвистом
Сердце кружить.

И когда
Распахнувшись духами
Вы низко
Чотким шопотом яростно мне запестрели—
Не услыша я понял, что Вы—коммунистка,
И что юность в подполье,
Что отец Ваш расстрелян.

Что супруг—офицер, контр-разведчик и белый,
Но любовь в Ваше сердце—железную лапу.
Только так Вы с'умели
Информацию нашему штабу.

Прошуршала—
И стихла.
И взглядом месила
Словно липкое тесто—мой шалый покой.
Осторожно спросила:
—А Вы кто такой?.

—Разорвите
Все нити,
Все пута,
Все цепи!
Развернитесь душой словно парусом в бред!

И вгрызайтесь
В мой
Вой,
Рев,
Стенанья
И лепет,
Потому что я—ваш поэт!

В алый хохот знамен
И в декрет Совнаркома
Я вплету вашу боль, как в прическу цветок.
Я лечу вас на площадь из маленьких комнат,
Ваш последний поэт и пророк!

Вас промок пульный дождь в этих гро̀мах орудий
Героинями в кожаных куртках густой.
Пусть я первый венчать ваши юные груди
Ярко-алой моей Звездой!

Июль 1923.
Лян-чи-хэ.

УБИЙСТВО.

Туман —
Кисель молочный в глòтке улиц.
И в жести луж—
Фонариков опухшие глаза.
Завесы тьмы шурша сомкнулись,
Чтоб душу
Жестким языком тоски лизать.

Тревожно каркая
Мигàли сонных пятна.
Ночными птицами слетало с белых губ:
—Кошмар...
—Убит...
А в оловяной луже внятно
Шептал хихи-
Кая ехи-
Дно-тих-
Ий труп.

Бесшумный шелест:
—Ах, какая прелесть...
Кто?! Кто сказал?!—Налитый кровью рот.
Завыла мать.
А ночь сомкнула челюсть
И черным вороном шарàхнулась вперед.

И солнце дернется рассветом в серой вате
И раздерет лучом пугливой ночи плащ.
А им вползти в уют своих кроватей
И зло шептать,
Что жизнь—палач.

Но ни один испуганный мерзавец
Не будет знать перед своим концом,
Что мне всю жизнь носить в груди пылающую зависть
К тому, кто с дыркой в черепе
Хихикал нам в лицо.

Март 1923.

ЛЕОНИД ЧЕРНОВ.

Автопортрет.

От 26-ти до 32-х лет
В своем пламенном свинцовом полете,
Где бездарное с солнечным скрѐщено,
Где каждый мужчина—поэт,
Где героиня—каждая женщина,—
Вы многих еще найдете...
Вы многими вновь забрѐдите—
И сердце завоет, звеня.
Вы узнаете гениальных поэтов,
Блестящих художников встретите,
Но никогда не найдете
Меня...

Леонид Чернов—веселый грешник,
Влюбленный в колючки акаций,
Променявший весенние черешни
На страсти изумительных вселенских комбинаций!

Парижи, Нью-Йорки, Берлины!
Не судите его слишком строго:
Он создал из бледной картины
Пылающий факел восторгов.

У него миллионы трепещущих душ,
И он схватил самую лучшую,
10 лет как невесту лелеял,
Написал на ней „Мулен Руж“,
И швырнул ее плавать над тучею—
Прямо в руки кометы Галлея.

И когда она свою вынула
И на ее место вставила душу Леонида Чернова,—
40 миллионов звезд хлынуло
Сиять над Богородицей новой!

А Леонид Чернов золото жил
Тянул и тянул в бархатном мраке.
20 лет со всем Миром жил
В гражданском браке.
. . . . . .

Но 33-й весне вы все-равно ответите
За страстность мелодии спетой,
За право гореть и менять...
Вы узнаете гениальных поэтов,
Блестящих художников встретите,
Но
Никогда
Не найдете
Меня...

1921-я весна.

ЖЕНЩИНЫ.

Наши женщины
Ездят верхом и стреляют из пушек!
Наши женщины—
Винтят пропеллер в стоцветную твердь.
Командиры дредноутов, кино- и радио-уши—
Наши женщины с нами—
И в жизнь и на смѐрть!

Им, стальным—
Все-равно—к пулемету-ли, к швейной машине.
Днем—железо,
Ночами—бесстыдная дрожь.
Наши женщины
Красные губы и взгляды пружинят,—
Одинаково ловко—
Винтовка,
Влюбленность
И нож.

Ваши женщины
Самкой разрыхлились в сладкое тесто,
«В шумных платьях муаровых»—
Клочья и плесень души.
...Слышишь крик мой, Невеста?
Приходи.
Взвейся в страсть.
Задуши.

Пусть они—источенные бромом—
Швыряют на свет паралитиков.
Белый яд кокаина
В гостиных
Сожрать их насквозь.
Все для нас драгоценность—
И Любовь, и война, и политика,
И прибивший Тебя в мое сердце гвоздь.

Наши женщины—
Петь,
Жечь Любовью
И кашлять из пушек!
В монопланах и фабриках—
Строить, любить,
Голодать и звенеть!
Распахните над Миром певучие души
На путях к заповедной Весне.

Никогда
Вы никем
Никаким не увенчаны,
Но отныне, сметая окурки грехов—
Я взвиваю вас, новые женщины,
Алым флагом
Над бурей моих стихов.

Июль 1923.

КВАДРАТ РЕШЕТКИ.

Поэма.

Отрывки.

ПРЕОБРАЖЕНИЕ.

.....Уважаемые собратья!
Люди,
Ювелиры чудесных бесплодий!
Я—накануне великого краха.
В единый фокус хотел собрать я
Свою любовь к вековечной Свободе,
Но боюсь—загорится бумага.

.....Удивительное дело!
Думаю, что неспроста
Сегодня в темном проходе на меня глядело
Лицо Иисуса Христа.

Уважаемый Коллега!
Ты думаешь, что Твоя Голгофа,
Трагедия Твоего Места Лобного—
Наивысшая искупительная необ'ятность?
Ошибаешься! Ничего подобного!
Твоя трагедия перед трагедией Леонида Чернова—
Только маленькая неприятность.

.....Впрочем,
Разве вы поймете,
Вы,—привыкшие к мыслительной жвачке?
Ведь мои мысли—
Свинец в пулемете,
Ружейный огонь
Пачками.

.....Пылай—пылай, зарево глаз!
Гори—гори, моя голова!
Потей, мозг, в сумасшедшей работе.
Сегодня в первый раз
Я сказал огневые слова:
— Я—абсолютно свободен.

МИР—НАШ!

Мир—на вулкане.
Мир—я сам.
Мир—моей души мистерия.
Крикну, прикажу глазам,
И вот—
Предо мной разостлалась прерия.

.....А утром—пьяный своей душой,
Взорванный воздухом пьяным,—
Совершу сумасшедший стомильный прыжок,
В девственный лес,
К сонным лианам!

Мне странно думать, что есть тоска.
Самому богу равен по силе я.
Как возлюбленного будет меня ласкать
Полная солнца Бразилия.

Мыльный пузырь мои жалкие цепи.
Мозг мой—безумье пилота.
Я разрушил чугунные скрепы.
Здравствуй, моя Свобода!

Каждой букашке отныне жить!
В целой Вселенной—ни одного гробика.
Смотрите, как бодро корабль мой бежит
В об'ятья стоцветного тропика.

Безумным восторгом
Взметнется свисток его,
Сотни улыбок вспыхнут на звездах
Сейчас я у тропика, завтра я в Токио,
Ночью—в Париже,
Вечером—в воздух!

Тело мое—в гениальной новелле.
Птицы—всё могут!
Ночью звенит мой певучий пропеллер—
Сердце.
К звездным сверканиям, к богу!..
... Просто не верится...

.....Цезарем в старый Рим!
— Северный полюс?
— Есть!
Сказкам братьев Гримм
Чудовищная месть.

БАЛ ГЕНИАЛЬНЫХ.

Солнцу—мой первый крик.
Второй—троттуарным тумбам,
Взлезшим на берег.
Сейчас я вместе с Колумбом
Оснастил белопарусный бриг—
В путь
К миллиардам Америк!

Путь Океана. Измерь его.
В блесках—обрывки веков!
Вместе с хохочущим Блерио
Средь облаков.

Здравствуй, Шопэн!
Как поживаешь? Сыграй мне.
Знаю твой плен.
— Камнем их! Камнем!

А когда целомудренная ночь
Соберет облака
В чернильную груду,—
Попрошу в сомненьях моих помочь
Эдиссона, Софокла и Будду.

Веселый народ!
Летим!
Соберу их—и буду
Шутить.

А когда лучами рельс
Расползется в подвалы тьма,—
Придет старикашка Уэлльс,
Ленин, Маяковский и Александр Дюма.

Эй, все великие, кто был и есть!
Уважаемые товарищи! Закатим бал.
— Леонид Чернов. Имею честь.
Всех вас до единого в себя впитал,
Как сказку.

В пляску, гениальные!
В пляску!

— Эс-та-та! Эс-та-та! Эс-та-та!..
Вальс.
Оркестр.
Закружило.
На всем земном шаре нет места,
Которое бы нам не служило.

Солнце экватора.
Небо Италии.
Музыка Сирии.
Сонной Сахары истерики.

Лава Везувьего кратера.
Сибирские дали.
Реки безмер-
Ной Амер-
Ики.

Всё в нас.
Мы во всем!
Шире, Вселенная, шире!
Жадными губами жадно сосем
Красоту окрыленного Мира.

Тысячи вдохновеннейших лир:
Пушкины,
Блоки,
Бетховены,
Бруты...
Такого бала не видал Мир
С первой своей минуты!

Плавься—плавься, бешенное Солнце!
Люди!
В цепь всемирного хоровода!
Негры, европейцы, малайцы, японцы!
Свобода!
Свобода!!
Своб.....

КАК ЭТО ПРИШЛО.

Это пришло в один из вечеров—
Незаметно, вкрадчиво, вздорно...
Скрипки оркестра отчаянно плакали,
Когда я, Леонид Чернов,
Был на спектакле
В полутьме неряшливой уборной.

.....Взметнулись красные нити.
Распахнулась хрустальная дверца.
Звоните,
Звоните,
Любовные звоны сердца!

Забегали,
Засуетились по лицу красные пятна.
Сердце стучало
За салютом салют.
И стало до ужаса понятно:
— . . . Люблю.

Здравствуй, Возлюбленная!
Ты думаешь—
Мы не вместе?
Ты думаешь—
Ты далеко от меня?
Каждый миг Тебе, моей Невесте,
Миллион поцелуев моих отнять.

Распустить по ветру золотые волосы,
Развеять платьев шуршащих пано.
Каждый звук Твоего голоса
Пью,
Как драгоценное вино.

Слух мой мучительно ловит,
Где простучал Твой каблук фут.
В каждом Твоем слове
Перецелую каждую букву.

.....Ты—электричество.
Я—электричество.
Сжатые в страсть, мы—сияние.
В пространствах мирового величества
Вершится наше слияние.

И когда разольет нежность
По земному лицу
Заря,—
Нашу Любовь—в безбрежность,
Как динамитный заряд!.....

. . . . . .

1921-я весна.

КАРУСЕЛЬ СЕРДЕЦ.

В этой жизни, построенной с точностью ватера,
Слишком сильно мы любим, чтоб можно вдвоем.
А Любовь копошится ножом оператора
В деревянеющем сердце моем.

Пусть еще бы надела мне сладкую маску,
Пропитав хлороформом легенд и баллад,—
А то начинила мне сердце сказкой
И швырнула в помойку, как мертвых котят.

В каждом дне (фаршированном болью) не верится,
Что на роже Земли
Загораются сны.
Нафталином Любви пересыпать бы сердце
И во сне ожидать настоящей весны.

Ну а как?—
Если сердце—гимназист-непоседа—
Всюду жадно суёт любопытный свой нос,
Если бойким мальчишкою сердце поэта—
В карусель сумасшествий,
Кричаний
И грез.

Вейся в свист, серпантин обжигающих нервов!
Конфетти из сердец,
В карнавале кружись!
Пусть веселый поэт захихикает первый,
Что задохлась от вони «нормальная» жизнь!

Ветер—вечный союзник—целует нам волосы,
Солнце—путь нам сиренью, как добрый отец.
Засвисти,
Завизжи от экватора к полюсу,
Карусель сумасшедших сердец!

Январь 1923.

ДИНАМО-СЕРДЦЕ

ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ.

Опыт динамизма скульптуры.

Тебе, спалившей монопланом моей кровати,
Чтоб заживо-горящим авиаторам—
Нам к Вечности лететь,
Тебе в Евангельи страстей—„Вторая Богоматерь,
Единая в Любви среди людей“.

Звеня трепещет тела Твоего динамо,
В электро-стул на казнь меня, преступника, влача.
А я проводку губ—
На раскаленный мрамор,
Благословляя смерть и Палача.

В Твоем бушующем Великом Океане тела
Моей подводной лодки перископ.
И вдруг—
Комета губ Твоих
Над грудью просвистела,
И капитана—белым метеором в лоб.

Но на холмах грудей—рубиновые вышки—
Беспроволочный радио сердец.
И телеграфом губ—отчаянные вспышки:
— ...корабль... огне..... крушение.... конец...

И захлебнувшись кипятке Твоих дрожаний,
Я мертвым был всю ночь,
Которая как миг.
А утром—Твой живот, аэродром желаний,
Где каждый день—
Бипланы губ моих.

И богомольцы рук молитвенно и бодро—
Крутым изгибам пламенных основ,
Туда где Альпами трепещущие бедра—
Червоной радугой
Следы моих зубов.

А дальше—
Алой кровью поцелуев отпечаток,
Где прячется ночей моих тоска,
Верблюдом губ
Господню Гробу пяток,
Чтоб там возжечь, рыдая, свечку языка.

Прожектор глаз моих и губ мотоциклеты
В лучах волос Твоих—как в зарослях челнок.
Через китайский фарфор чашечек коленных—
Христом Скорбящим
В Мраморное Море ног.

И электро-магниты наших переносиц
Не удержать ни зверю ни врагу.
Язык мой, как горящий броненосец,
Спасенья ищет в гавани Твоих скользящих губ.

И там, где от затылка меж лопаток
От шеи вниз
Спины Твоей шоссе—
Автомобилю губ моих лететь как вихрь и падать
И над волнами бедер в воздухе висеть.

Какой же бог мне предназначил муки—
Взобраться санкам губ
На горы снежных плеч?
Но там как змеи жаждущие руки,
И мне на них
Сгоревшим солнцем лечь.

Взбешòнный сплетнями и шамканьем базара
Себя к Тебе
Гвоздями слез прибить,—
Чтоб в этом Мире все, не исключая комиссаров,
Умели боль растить
И так как я
Любить.

Голгофах Страсти жизнь моя висела,
Но знаю—
Из груди Твоей мне высосать Весну,—
И на кресте
Твоего жаждущего тела
Себя, Христа,
Гвоздями мук распну.

Декабрь 1922.
Украина.

ЛЮБИТЬ.

Трилогия.

1. МЕСЯЦ—ФОНАРЩИК.

Прыгнет месяц-апаш в небесную синюю чашу,
Серебром белых тучек размечет свою шевелюру,
Золотым фонарем хулиганя помашет,—
А людские сердца—любви увертюру.

И еще не успеет любовь
Из гробов
Набухающих (радостью) почек
Треснуть в день, распирая улыбками мрак,—
А уже два свидетеля,
Ломаной змейкою росчерк—
И уже сфабрикован
Брак.

В ту же ночь—его страсти голодной собака
В золотую помойку, откуда наследник потом.
А на утро ей—женщине—глупо заплакать
И бояться в отцовский дом.

А на утро—
В окошко истерзанный ночью платочек,
За столом в Губпродкоме—
Огрызок щемящих страстей.
Неизбежный обед, под кроватью какой-то горшочек,
И они—фабриканты пищащих детей.

И опять прыгнет месяц-фонарщик
В небесную синюю чашу,
Зафутболит мячом золотого огня,—
Но супругам обиженный что̀ он расскажет?
Разве только—пеленки менять...

2. БЕЗ ДВУСПАЛЬНОЙ КРОВАТИ.

Мещанин без подтяжек
Провинцией в доску пропревший,
Обнаглевший, актерски-невежливый трус,
Оцилиндренный жулик
В последней игре прогоревший:
— Если деньги—женюсь.

Длинноногий студент, искалеченный римским правом,
Идеальный бездарник, лизака научных блюд,—
Подбоченясь в кафе громогласно и браво:
— Я женюсь—потому что люблю.

Ну, а я?
Как мне думать об этом браке
С той, что в сердце—хирурга ножом,—
Если даже чернилами плакать
Страшно ночами об имени Твоем.

Мне б только губ электрическим током
К алым рубинам грудных куполов.
Мне бы молчанья—долго и много,
Мне бы—из клетки любовных стихов.

Милая—милая!
Ты думаешь—легка мне
Мысль о понедельниках Любви моей?—
Сердце букашкой под мельничным камнем
Серой громады придущих дней.

И пока не прокрàлись—облезлые, старые
Будней коты
Птиц Любви задушить—
Смычок Твоего имени неслыханные арии
На скрипке моей души.

И—честное слово—не нужно истерик,
Рычаний, взвизгов и медных труб.
В поисках новых, незнанных Америк
В океан Твоего тела
Корабли моих губ.

3. ПОТОМУ ЧТО ЛЮБЛЮ.

Когда канцелярщик, прогнивший входящими,
Гнилью чернил—скуки итог,—
До любви ли ему, одуренному чащами
Леса балансов и треска тревог?

Когда инженер—иглы зданий в небо,
Врач—рыцарь смерти—на страже гробов,—
Им бы винà, комфорта, хлеба,—
На чорта тогда им душа и любовь?

Когда тихий поэт в поэзном смерче,
Так что воздух огнем и больно дышать,—
Призрак любви в отдаленность заверчен
И колючею мухой только мешать.

Но зато когда по черному бархату—свéчи,
Когда лодка луны—облака в рассвет—
Посмотрите, какими огнями засвечен
Канцелярщик—врач—инженер—поэт!

Покрывало их—звездоблесков пòлог,
Ложе у них—поцелуи трав,
Знамя Любви—сумасшедший астролог
На подушках любовных прав.

А днем Любовь—боль зубная,
И альков у нее—хлеб.
Но каждый рассвет—милая, знаю—
Вдовьей ночи прозрачный креп.

И когда едва касаясь губами
Пьяных букв, Твое имя ночью шепчу—
Только в эту минуту я слышу меж нами
Любовных узлов золотую парчу.

И когда моих рук обезумевший Цельсий
На солнцах груди твоей плюс 100,—
Твое тело экспрессом на губ моих рельсы
В сжигающий будни Восток.

И когда на трещащей лодке кровати
Извиваясь в волнах кипятка—к нулю,—
На Твоих
И моих губ
Кровавом закате
—Не женюсь—потому что люблю.

Август 1922.
Махудрам.

ПЕРВАЯ КОНСТРУКЦИЯ МОСКВЫ.

Эти пятна огней и реклам по Арбату—
Словно язвы
На теле ночной синевы.
Я тащусь
Этой пущей
Верблюдом горбатым
В цепком капкане Москвы.

Я трублю паровозным гудком этих строчек
Прямо в уши разорванных болью дней.
Красной молнией бунтов
Чернильные ночи
Разостлались над скукой моей.

И всегда мне проклятое „бы“ и „почти“
В этом грязном дырявом корыте-ль нести?
Знаю,
Что свет самой тусклой мечты
Ярче ярчàйшей действительности.

И окончив работу—желудок наполнить—
Зажигаю огни своих глаз на Тверской,
И швыряю снопы фиолетовых молний,
Убивая тоску тоской.

И топча каблуком своей славы цветы,
Рысаков моей юности взмылить—
Потому что огни самой тусклой мечты
Ярче ярчàйшей были.

И в душе моей пятна реклам по Арбату—
Словно трели бича на спине синевы.
Возвещая
Час пятый—
Умираю
Распятый
На перекрестках Москвы.

Июнь 1923.
Москва.

ВТОРАЯ КОНСТРУКЦИЯ МОСКВЫ.

Есть-ли такие Голгофы;
На которых еще не висел я?
Леонид Чернов.

Утопая в кипучей моче,
Где скрежещет огнями Арбат—
По из'езженным кочкам ночей
Расшвырялся по свету набат.

Пусть исступлённых стихов косà
Сбрить эту оспу спрессованных пней...
Мне ли, поэту, окурки сосать
Испепелённых дней?

Мне ли для юности строить гробы
Словно голодный индус,
Если на черном столе судьбы
Бит моей жизни туз?

И суждено-ль мне средь грома „распни“
Вспенив стихов кипяток—
Вымыть прогорклые дни
Как носовой платок?

Распахнувшись рекламой
О хламе
Мострест
Над потухшей кометой своей головы—
Добровольцем полезу на крест
Всех перекрестков Москвы.

Лишь бы земной
Измотавшийся Шар
Нежно притиснуть к груди!
Лишь бы со мной
Вселенский пожар
Новых людей родить!

Дальше—хоть рельсы,
Хоть кожу виска,
Браунинг, пулей целуй.
Лишь бы белье этих дней полоскать
Ядом поэзных струй...

Июнь 1923.
Москва.

ЧЕРТОПОЛОХИ ЗЕМЛИ.

Хорошо вам, серенькие, тихенькие,
Каждый день на службах в жвачку слов влезать.
Вечерами—порцию Чехова и Киплинга
И жену покорную нехотя лизать.

Хорошо вам, люди серой масти!
Вам мигнут десятки парой желтых глаз—
И рассветом маленького счастья
Вам сверкает раскаленный час.

За сиденье в канцелярии вы купите
Дров, кровать,
И для нее—жену.
И ночами будете сосать умильно губы те,
Что раскрылись в первую весну.

Хорошо вам.
Ну а мне-то как же
В этих днях найти заветное кольцо,
Если каждый день морщинкой мажет
Потускневшее как зеркало лицо?

Если в тòпи дней
Загруз по горло весь я,
И до новых маков мне едва-ль дожить.
Ах, какая сумасшедшая профессия—
Перед каждым олухом открыть врата души!

Петь и знать,
Что песни (мои дети)—только вòрох
Никому ненужных чѐрканных бумаг.
Жить, любить и знать, что очень,
Очень скоро
Все-равно мне сскочить с ума.

Но не все еще сонеты
Перепеты,
И не всю Любовь швырнул Земле поэт.

. . . . . .

...Хорошо нам, граждане-поэты,
Покупать за кровь ботинки и обед!

Март 1923.

ТАИФУН У СЕРДЦА.

Опыт динамичной статики.

Третью ночь
Нашим бешенством пляшут бесстыдные очи,
Очумелым тайфуном у сердца—
Набаты и взрывы,
И лязги и стук.
Пусть для других это—вкусный постельный кусочек,
Для меня—Магдалина,
Пришедшая ночью к Христу.

Соскочивши с ума, мы у жизни легенду украли,
Цепи с ночи сорвали,
Блеснули уйти в Навсегда.
В серых суknах недель
Менестрель
С гениальной актрисой сыграли
Перевитый огнями безумный последний спектакль.

Разве важно, что я—Дон-Кихот и игрушечный рыцарь?
Я же знаю, что стòит мне в Мир прокричать—
Сотням девушек пальцы кусать
И в истерике биться
От пылающей зависти к нашим угарным ночам.

Наши крики плетутся призывным узором фазановым,
Раскалённая сталь наших тел—
Ни стоять, ни лежать, ни сидеть.
И когда опустился шурша примелькавшийся занавес,
Вместо нас—
Только пепел сгоревших живыми людей.

Вы ушли как и те...
Как десятки, как сотни, как тысячи...
Будет снова мне сердце кровавить весна.
Но резцом Вашей страсти на многие месяцы высечен
На надгрòбии сèрдца кроваво-уродливый знак.

Вы ушли—
И усталые стуки реже.
И какое мне в эту минуту до гибнущих в буре Европ,
Если только что Я, понимаете—Я перèжил
Новый всемирный потоп?

От махрового цвета души—обгорелые клочья,
Даже пепел
Танцующий ветер раздул.
...Пусть для других это—только постельный кусочек,
Для меня—
Магдалина, пришедшая ночью к Христу.

Март 1923.
Кременчуг.

ОХОТНИЧЬЯ АНАЛОГИЯ.

Золотые щупальцы лунного шарика
Бороздят мою голову пятнами снов.
А в душе моей розовой—Южная Африка,
И я—
Охотник на глупых слонов.

Увешанный с пяток до носа оружием,
На лошадь—как в лодку веселый моряк.
А луна оплетет серебреющим кружевом
Эластичный (как женские груди) мрак.

Встречу тигра-ль, слона или точку колибри—
Эта ночь в меня дышет
Чудесами
Чудес.
Туда, где бритвой культуры выбрит
Для железной дороги девственный лес!

Из кадильницы далей
Мне ладаном,
Ладаном
Задышал огнегрудый циклоп-паровоз.
А на фраке небес--луною залатанном—
Муравьи голубые испуганных звезд.

И вдруг—кино-лентой—шумы, скакания!
Кашель ружей!
Упал карабин!
Под конем!
И над клеткой груди—чьей-то пулею раненый—
Слон уж лапу занес, обдавая огнем.

И слоновые глазки горят, как бенгальские свечи,
Предвещая, что хрустнет коробкой от спичек
Хоровод моих будущих дней.

. . . . . .

Как же мне проклинать тебя, жизнь и судьба сума-
сшедшая,
Что свою стопудовую лапу
Ты так часто заносишь над грудью моей?

Январь 1923.

ЗОЛОТОЙ КИПЯТОК.

Этот сон—как ночь.
Эта ночь—как сон
Зацвела, чтоб меня душить.
Кто же я?—сумасшедший Поксòн?
Гариссон
На экране твоей души?

А секунды летели расплавленным оловом
В нервы и в сердце,—
А сердце в крови.
И футбольным мячом я швырнул свою голову
В золотой кипяток Любви.

Раз'ярённые мысли (монопланы в аварии)—
Вверх ногами Шекспира, Ницше, Дюма.
Выкипал золотой кипяток в самоваре,
И сереющим пледом
Тьма.

Фиолетовый нож невиданных молний
Полоснул небосвод моей головы
(Пронырнувшая мышь).
Громы, штормы и волны.
Взрыв!
...И тишь.
Гробовая могильная тишь.

И конец.
И один...
Вы, конечно, уйдете
В одинокое, скользко-больное Вчера.
И никто не поймет, что на Вашей,
Вот именно—Вашей звенящей неслыханной ноте
Оборвались умолкнуть мои вечера.

Март 1923.
Предвечерие.

КОРОЛЕВА ЭКРАНА.

Почему Вы не едете в
Москву, заграницу? По-
чему живете в глуши?
Из письма ко мне.

Много раз уже Вены, Нью-Йорки, Берлины
Завыванием труб меня звàли, маня:
— Не пора-ль
Пастораль
Азиатской картины
На гременье блестящих культур обменять?

Мир бесился, что я так бездумно, так рано
Свою душу швырнул в азиатскую степь.
Мне бы быть королем мирового экрана,
А не виснуть полжизни Христом на кресте.

Я бы мог в монопланах, моторах, экспрессах,
В мягких лапах автò—серебриться вперед.
Только знаю—
Дрессированный тигр прогресса
В тот же миг азиатское сердце сожрет.

Только здесь, в голубой допотопной обители
Хищным лапам прогресса меня не сдушить.
Так позвольте же быть мне его укротителем
В этих девственных чащах дикарской души.

В Бостоне, в Бомбее и в строчках Корана,
В костюмах Пакэна, как в струях огня,
Ночами скользит Королева экрана
И ищет кого-то,
Конечно—меня.

И в блесках моноклей скучающих фраков
Она Магдалиною отражена.
И режет глазами завесы из мрака
Стотысячный раз—уже чья-то жена.

Но тòлпы в цилиндрах
Слезинок не видели.
Не все-ли равно ей—Иван иль Артур?
Я знаю—
Она истерзалась по мне,
Укротителе
Грозного тигра гремящих культур.

Февраль 1923.
Глушь.

МАЛЬЧИШКА В СОЧЕЛЬНИК.

Сегодня вспыхнуть елочным свечам в могилах
Огнями стареньких
Забытых детских сказок.—
И мне, мальчишке, о благих и злобных силах
Словами страшного
Наивного рассказа.

Сегодня в комнатке души—я старенький отшельник
Смывать обман и ложь,
Чтоб снова нàстежь дверца.
Разбивши корку лет, волчком пустить в сочельник
Десятилетнее танцующее сердце.

Я знал, что здесь,
Где пахнут медом шишки,
Под коркой лжи, измен и боли злого волка—
Смеется Лелька,
Солнечный мальчишка,—
И каждый год
В лачуге сèрдца—елка.

И каждый год дворец тоски его разрушен,
Огни свечей—как пальцы жàлящего перца.
Но в темных ветках—вместо блещущих игрушек—
Пылающее собственное сердце.

Он целый вечер поросенком возле елки
Визжащим пажем тоненькой кузины.
...Но слишком больно в душу мне зеленые иголки
Знакомым ароматом пахнущих слезинок.
. . . . . .

И только ночью—
В узенькой трепещущей постели
Мне корчиться
И выть как волк до света
О том, что я—большой,
Что у меня—усы, долги и „цели“,
Что это все—
Рождественский кошмар поэта.

Сочельник 1922.

24 ГОДА.

Тучи красною шалью
Над лесами Твоими.
Душу пчелою жалит
Твое черноземное имя.

24 года
В черном предсмертном гриме
В дикую власть Тебе отдан
Плакал слезами Твоими.

Пил я с девчонками кофе
В залах большого веселья...
Есть-ли такие Голгофы,
На которых еще не висел я?

Только что, только что завтрак,
И уже моей жизни ужин.
Ни сегодня ни завтра
Я никому не нужен.

Только Восток мой новый
Знает, что в год из года
Мне, Леониду Чернову,
Плакать у черного входа.

Знает мой Друг небесный,
Что скоро народятся люди,
Для которых цветы мои—песни
Огненной Библией будут.

А сейчас мои четкие строфы
Прозвенят меня в муках веселья—
Искать невозможной Голгофы,
На которой еще не висел я.

Май 1923.

БАНТИК В БУРЬЯНЕ.

Памяти Натали Волошиновой (†)

Стуки сердца—закоренелые грешники,
Рецидивисты девических мук.
Весною в жизни—
Сплошные подснежники,
А душа—
Ароматный луг.

На ковре веснопраздников—фиалки и лилии,
А садовник—малюсенький грех.
Голубые конвертики—
Ручейки легкокрылые,
Где журча кувыркается смех.

Каждый взгляд—Ниагара, куда как с разбега
Самоцветы улыбок в ресничных лучах.
...Мне всю жизнь по прочитанным строчкам бегать,
Электрическим молотом
В юность стучать.

А потом
На эстраду степей—
Лето.
Визгом солнца Любовь—
В комфорта гамак.
И в душе—теплотою грудей согретый
Любовных безумий багровый мак.

И от зноя кусаний, от крика бессилий,
От пламени бедер, от вулканов в крови—
В душе увядают фиалки и лилии
Хрустальных улыбок
Робкой Любви.

А потом—
Балериною осени ладан,
В паутину туманов—солнце-буян.
Каждый день тоской о весне залатан,
А на площади сѐрдца—
Сплошной бурьян.

Барабаны души,
Бейте в смерть, барабаньте,
Все-равно мне ковра весны не соткать.
Но смотрите—
В бурьяне лихорадочный бантик
Не хотящего в смерть цветка.

Я помню—весною его потеряла
Гимназисточка с красным ртом.
Я—
Шерлоком по лугу души, а она уверяла,
Что найдем мы его
Потом...

И вот я нашел...
Но косматые ночи
Поседели снегами в алмазной глуши.
А я—как Любовь—запоздалый цветочек
В парники моей души.

И я знаю:
От зноя кричащих бессилий,
И от белых осенних туманов в крови—
В душе отцветают фиалки и лилии
Хрустальных улыбок
И первой Любви...

Сентябрь 1922.

ТОМЛЕНИЕ ДУХА.

Все суета сует
И томление духа.
Соломон.

Сплетались и рвàлись взгляды.
Слова свистели как плети.
Хрустя скрежетали зубы
И грудь обжигала грудь.

А ты балериной черной
В каком-то кошмарном балете
Забилась в подвалы печали
И дико прервала игру.

Тонкой рукой диллетантки
Сердце как скрипку мучить,
Черным огнем твоих взглядов
Красные слезы сушить.

И вдруг, раскаленно крикнув,
Ты разорвала тучи—
Струнные невры арфы
Нервные струны души.

Ты распахнула сердце
Визгам и лязгам конок,
В пледы тоски завернувшись,
Прыгнула в ночь—не моя.

А в мышеловка улиц
Плакал бездомный ребенок—
И всем, даже мне показалось,
Что это рыдаю я.

И мне уже странно верить,
Что в океанах жизни
В море томленья духа
Есть пароход Любви.

Сердце-маяк застонет,
Треснувший колокол взвизгнет,
И пароход забьется
В красных волнах крови.

Дернутся в небе ракеты—
Молний секундный танец,
В черном экране ночи
Вспышку уронит Борей.

И я начинаю верить,
Что Любовь—«Летучий Голландец»,
Просто—корабль-призрак,
Вечный скиталец морей.

Март 1923.

ПОСЛЕДНИЙ КОНЦЕРТ.

Отуманенный облачной дымкою,
В иглах страсти, в терновом венце,
Я иду к вам, иду невидимкою,
Чтобы петь последний концерт.

Уже многие нити порваны
На душе у бродяги в Любовь.
Закружились бездомные вороны
У истлевших любовных гробов.

И какие пути мне назначены?
Пить-ли ласки арктических стуж?—
Околеть-ли у дымных прачешных
Человечьих надорванных душ?...

И теперь, отрываясь с кровью
Закружиться в земном колесе—
Выдираю сердце коровье
И швыряю над Миром висеть.

Вихревой каруселью заверчен,
В иглах страсти, в терновом венце—
Я,
Предвидя тайфуны и смерчи,
Об'являю последний концерт.

Апрель 1923.

ПОСЛЕ ШТОРМА СТРАСТЕЙ

Гению художницы Виктории Белаковской (Петроград).

Все-равно—так или иначе
После каждого шторма страстей
Мой корабль долго-долго чинится
В пристань души Твоей.

И когда от полночных бешенств
Парус в клочья и руль в куски—
Путь мой всегда намечен
В светлую гавань тоски.

Окровавлен Любовью прежней
Пью покой на Твоем плече.
Я всегда сумасшедший грешник
У престола Твоих очей.

Растерзавши меня у колонны
Те уходят, печаль затая.
Только Ты чудотворной иконой
Остаешься во мгле сиять.

И когда мое сердце—кратер,
Моя вера сильна и чиста:
— Ты придешь, Ты придешь, Богоматерь,
Чтобы снять меня с креста.

Апрель 1923.

Я ХОЧУ ЕСТЬ.

Трагический примитив.

Небывалый случай!
Спешите!
Недорого!
Открываю лавчонку—«Поэтическая Обитель».
Громадный выбор творческих восторгов!
Не теряйте случая!
Купите,
Купите!..

«Воскресшие Радости».
«Искание Счастья».
Спешите, покупайте за пол-цены!
Для вас—за безценок.
Валитесь! Налазьте!
За фунтик ржаного—Бессмертные сны!

Первая Любовь—немного дороже,
Но зато—какая сила,
Какая мощь!
200 кусков—купите!—ложе,
Где провел я с Музою первую ночь.

Я не смеюсь—совершенно серьезно:
Пуд вдохновенья—300 кусков.
Покупайте!
Покупайте, пока не поздно,
Самые свежие нервы и кровь!

•

Сахарин?
— Не имеется.
Брюки?
— Не держим.
Не хотите-ли лучше мой череп, надкостницу?
Есть самый лучший поэтический стержень.
Продаю вдохновенье—
Оптом и в розницу.

Для Вас—пол-лимончика Тоска о Небе.
(Почтенные граждане, не довольно-ли ржать?)
Полпуда крупы—
За «Кометный Трепет»!
Нужно ж поэту любить и жрать.

Подходите!
Купите
Творческие муки
Совсем задаром—пуд пшена.
Вчера только с'ел
Последние брюки,
Теперь на прилавке—
Тоска.... и жена.

Золотые десятки?
Яблоки?
— Скисли!
Простите, не держим.
Зато—на вес:
Сумасшедшие взлеты гениальной мысли,
Гремучий огонь
Гениальных поэз.

Хотите?—чорт с вами!—5 фунтов хлеба,—
Забирайте оптом:
«Динамо-любовь»,
«Квадрат решетки»,
«Дьявол на небе»—
Самые свежие нервы и кровь!...
. . . . . .

Не хочешь, мерзавец?
Не нужно, грабитель?
Проваливай, падаль, подальше ржать!!
Гремя матерщиной,
Закрою обитель—
И снова сегодня
Не буду жрать!

Пойду в конуру
От голода пухнуть
сердце сжигать на всемирной тоске.
Но слушай, мерзавец:
— Душе не протухнуть,
Пока не почувствую сталь на виске!
. . . . . .

. . . . А в голову молотом—
За сутками сутки,
Но мне-ли захныкать,
Мне-ль зарыдать?
Поцелую на камне следы проститутки
И брошу:
— Нам
Нечего больше продать...

Июль 1922.
Украина.

ПРЕДСМЕРТНАЯ ПОЭМА.

Тамаре Жевченко.

Отрывки.

ГЛАВА I.

. . . . О, где я возьму эти лица
Улыбкой возжегшие твердь?
Какими словами молиться
Тебе, осиянная Смерть?

Сочащихся трупов вагоны
В гниющий алтарь я сожму
И нежно расставлю иконы:
Холеру, Сыпняк и Чуму.

Тоской о Невесте расколот—
Завою грозою слова
И буду Тебе, хриплый Голод,
Костлявую кисть целовать.

Холерный! Сапной! Сифилитик!
Разлейте свой гной-фимиам,
Европе носы провалите
И жертвуйте трупы на храм.

А я—озаренный и грубый—
В века—биллионы зараз!
И жадно притисну я губы
К цветам ваших липнущих язв.

И мертвое тело на тело
Все выше и выше вали!
Нам нужно, чтоб к богу взлетела
Хрипящая песня Земли.

. . . . . .

. . . . Провалившимся ртом грозите,
Зажигайте огнем лица,—
Зловонием язв заразите,
Заразите Его, Подлеца!...

. . . . . .

ГЛАВА II.

. . . . Прольется-ль соленая влага
В пожары всесветных горнил?
Но кто-нибудь должен заплакать
Кровавой слезою чернил!

. . . . А если—сраженный—лягу
У клозета Времен умирать—
Кто прольет драгоценную влагу
С острия моего пера?

Ты окна своего не откроешь,
Дирижабль Твоих дней—вперед,
И отравою слез не напоишь
Мой засохший зияющий рот.

Но знай: даже чумным трупом
Буду в рожу Любви хрипеть
И выть в колоссальный рупор
Гимны и Славу Тебе.

С провалившейся грудью и носом,
Сплошной окровавленный струп—
Довлачу-ли по жизни откосам
До бессмертья Любви своей труп?

Но буду то ресче, то глуше
Хрипеть, завывать и трубить,
Реветь в равнодушные уши
О вечной свободе Любви.

О Святая! С какими словами
У Твоих каблуков умереть?
О какой Сумасшедшей Драме
Лебединую песню пропеть?...

. . . . . .

. . . . Я не знаю, есть-ли звуки,
Которые меня заглушат?
Какие не стиснутся руки?
Какая не взвоет душа?

Какие столетья мимо—
Не дрогнув даже—пройдут,
Чтоб славить несмятое Имя
В танце веков и минут.

. . . . . .

В молнии, в громы снова—
Эти крики сумасшедший поэт!
А Леонида Чернова
Не было с вами—и нет.

. . . . . .

Июль 1922.

СМЕРТЬ ЛЕОНИДА ЧЕРНОВА.

Прорыв во времени.

Играйте пошленькие вальсы,
Польку, канкан завойте, стеня!
Судорожно скрючились пальцы.
Я иду...
Молитесь за меня.

С кровью и мясом выгрызу
Из тела земного язву моей души.
Верхом на метле—к Сириусу
Душу на солнце менять!...
...Я сам себя задушил.
Молитесь за меня.

Под маской смешка не заметили
Мою багровую трагедию.
Все-равно!
Те-ли, эти-ли?—
Лишний прыщик на рожу столетию.

Смерть—это хорошо.
Ничего печального, ничего смешного.
Человек—разбитый горшок.
Даже для идиота не ново.
4 1/2 пуда испорченного мяса—
Все что осталось от Леонида Чернова.

А если под польку и вальсы
10 лет сердце воет стеня?!
Конец.
Скрючились пальцы.
Я иду...
Молитесь за меня.

1921-я весна.

САМОСОЖЖЕНИЕ.

Этими стихами
сжигаю себя Сегодняшнего,
приветствую себя Завтрашнего.

1.

Обожженный Сахарой страстей
Среди знойных песчаных гор—
Проклинаю пути к Звезде,
По которым я шел до сих пор.

В лабиринте любовных стен
Проклиная вулканы газет—
Не хочу Христом на кресте
Одураченным богом висеть.

Я свяжу ускользнувшую нить,
И словами этих стихов
Мне у Мира сегодня купить
Искупленье великих грехов.

Я пришел к грозовой полосе,
Где засеяны бунтом поля...
Я ведь спица в Твоем колесе,
Обновленная кровью Земля.

2.

И на красном костре этих строк
Хохоча панихиду пою:
Я сегодня безжалостно сжег
Облысевшую душу мою.

Вырываю сердца куски,
Разрушаю все, что любил.
Я Голгофой великой Тоски
У Земли искупленье купил.

Я провижу Твои пути,
И не мой-ли там зов гремит:
– Приюти меня, Мать, на груди,
Блудного сына прими!

На ухабах Твоих дорог
Я Твой первый пророк
И поэт.
Я Твой новый сигнальный гудок,
Паровоз обновленных лет.

3.

Как Возлюбленной песен цветы
Нес—и звал Тебя странно:—Любовь...
Это Ты, это только Ты,
Мать-Земля, освятившая кровь.

Небоскребы—и дым лучин...
Кабарэ—и будней груз...
В океанах каких пучин
Мне искать Твою душу, Русь?

Много, много будет потерь,
Но глухая душа сожжена.
Знаю, Милая, знаю:—Теперь
Мы навеки—муж и жена.

Май 1923.
Одесса.

СТРЕЛЫ БУРИ.

Сила, громадная сила
Таится во мне!

Окропи меня стрелами бури,
Осиянный завтрашний день.
Золотую сигару курит
Предзакатная синяя тень.

Окропи меня стрелами бури,
Дай мне счастье всосаться в века.
Пусть несутся небесные куры
Золотыми мячами в Закат.

Мне немного, немного надо,
Мое счастье—в бурьян, за плетень.
Мне на каждом ухабе падать
По дороге в Завтрашний День.

Я с судьбой неучтив и дерзок,
Но раскрыв как коробку грудь—
Я последним кусочком сердца
Окроплю Твой победный путь.

Это я прокричал Тебе волю,
Запылавшая кровью Земля.
Это я экватор и полюс
Приволок на Твои поля.

Безнадежно влюблен в Твои ночи,
Революций багровый хребет,
Я от первой до смертной строчки—
Всегда Тебе о Тебе.

Май 1923.
Одесса.

РОЖДЕСТВО РАДОСТИ.

Закружи меня, солнце, в вихре
Золотых воскресений Твоих!
В зацветающем Радостью Мире
Иоанном Предтечей мой стих.

Русь беременной женщиной бродит
По руинам вчерашних камнѐй,
Не сегодня-завтра родит
Долгожданного сына мне.

Спеленает пеленками радуг
На углях заревого костра.
Солнце, солнце! Ты наш декоратор,
Приготовь нам постель из трав.

Плавься, плавься калёными визгами,
Зацелуй наши злые уста.
Мы поделимся белыми ризами
Не хотящего в смерть Христа.

Пусть увидят-узнают мудрые,
Как в печали Твоей растворюсь—
О Невеста моя златокудрая,
Разорвавшая тучи Русь.

Май 1923

МИР НЕ СКИТ.

Дженни Райт.

Нами смяты, нами смяты
Одеяла серых будней.
Я наполнил, я наполнил
Грудь земную молоком!
В сотый раз Тобой распятый
Ожидаю День мой Судный—
Синий веер наших молний
Вышить лунным серебром.

Скрежет верфей, рев моторов—
И вечерни тихих далей.
Нью-Йорки—и избушки.
Сны—и взрывы. Мир не скит!
Только слишком, слишком скоро
Я сражен ружейной сталью,
Я оплеван кашлем пушек
Вековой земной тоски.

Если ж нужно мне Любовью
Окропить цветы и всходы,
Чтоб беременная волей
Разрешилася Земля,—
Я рвану из сердца с кровью
Язвы счастья и невзгоды
И дождем голгофных болей
Оболью Твои поля.

Не грусти, не плачь, Невеста...
Если смерть—так значит надо.
На путях земных бродяге
Много слез и много встреч.
Мир не скит!
В нем много места
Чтоб летать и чтобы падать
И отравленной собакой
У Твоей кровати лечь.

Май 1923.

СОН О КОМЕТНОМ ЗНАКЕ.

Ты заплакала кровавыми дождями,
Бедная Земля.
Злой тоски железными клещами
Щек Твоих поля.

Разменяла Ты двурогий месяц
На копейки звезд—
Оттого веками люди месят
Золотой навоз.

Оттого поэт печали нижет
В ожерелье строк.
Оттого я каждый вечер вижу
Новый Твой Восток.

Как же мне скучающим и косным
К алым всходам трав,
Если Ты в своем неверьи грозном—
Новый Голиаф?

Как же мне в Тебе не раствориться,
Как вода в вазон,—
Если третий год мне тот же снится
Сумасшедший сон?

Сотни лет в алмазных чашах бродит
Твой кометный Знак.
Солнцем сеян—в алых нивах всходит
Долгожданный злак.

Он придет, в чернильных тучах воя,
Разорвет туман,
И целительной водой омоет
Кровь священных ран.

Май 1923.

А ВСЕ-ТАКИ ОНА ВЕРТИТСЯ!...

Сергею Есенину
А. Мариенгэфу
Вадиму Шершеневичу.

На канатах стихов
Разлохмаченно-грязных,
Как бурлак задыхаясь грузней и трудней,
Я тащу на какой-то чудовищный праздник
Эту серую барку подмоченных дней.

Эти жесткие рифмы мозоли натерли
На нетронутом теле
Дремучей
Души.
от взрывов созвучий,
От копоти в горле
Слишком больно дышать,
Слишком трудно мне жить.

Ну а все-же я верю в чудовищный праздник
В колоссальные солнца во взглядах людей
И что скоро чрез горы столетий напрасных
Мне в великую Радость снарядом влететь.

Только каждой секунде все выше и выше
Разлохмаченный крик моих вздувшихся вен:
— Никаким механическим поршнем не выжать
Из цилиндра души эту веру в День!...

1923-я зима.

ОИК-70311